

2046 по Фаренгейту

новый фильм Вонга Кар-Вая в Каннах

АНТОН ДОЛИН

Фестивальные страсти в Каннах не могли накалиться до нужного предела вплоть до последних дней, пока не показали «2046» Вонга Кар-Вая и не определился лидер конкурсной программы. Впрочем, по установившейся несколько лет назад традиции лучший фильм не получает на фестивале приза. Да и в самом деле, меньшее, чем «Золотая пальмовая ветвь», для фильма такого масштаба стало бы неприемлемым компромиссом, а награждение Майкла Мура куда больше соответствует актуальному моменту — если и не в художественном, то в политическом смысле.

Многочисленная армия поклонников Вонга Кар-Вая (а сегодня трудно сказать, где их больше — в Азии, Европе или Штатах) полюбила его за легкомысленные и виртуозные киноромансы, лучшим из которых был «Чункингский экспресс». Смогут ли давние фэны режиссера оценить по достоинству картину, над которой тот работал пять лет, — большой вопрос. Даже те, кто, не гоняясь за модой, искренне называл шедевром предыдущий фильм Вонга «Любов-

ное настроение», будут озадачены. Между тем, придя в себя после просмотра, по здравому размышлению приходишь к выводу, что Вонг наконец-то достиг зенита творческой зрелости, войдя в сонм самых влиятельных режиссеров рубежа веков и став рядом с фон Триером, Альмодоваром и Китано. Сейчас можно заключить, что в первых пяти фильмах Кар-Вай разрабатывал киноязык и лишь впоследствии осмелился использовать его для выражения подлинно важного сюжета — любви. Будто боясь подступиться к теме, сперва режиссер позволял себе только ненавязчивые вариации («Чункингский экспресс» и «Падшие ангелы»), затем сразу перешел к мучительной чувственности («Счастливы вместе») и наконец показал любовь как атмосферу, как наполняющий картину воздух («Любовное настроение»). По всей видимости, этот путь готовил почву для масштабного эпоса — энциклопедии невозможных любовей, каковой является «2046». Здесь Вонг обрел равновесие между неоновой футурологией, отчасти свойственной ранним картинам, и поэтической психологией а-ля «Любовное настроение», прямым продолжением которого является «2046». Главный герой, ставший с женщиной своей мечты (появляющейся буквально на секунду на экране Мэгги Чун) журналист Чоу Мо Ван в неизменном исполнении таинственного Тони Люна, проводит время в гостинице, в номере 2047. Там он пишет фантастический роман «2046» о поездке, способном избавить от воспоминаний; за время работы

над книгой герой успевает встретиться и расстаться с четырьмя женщинами, ни одна из которых не способна вернуть ему утерянное чувство любви. Картина построена на недоушинной харизме Тони Люна, однако трудно не отметить замечательные работы лучших азиатских актрис Фэй Вонг («Чункингский экспресс»), знаменитой китаянки Гонг Ли, а также молодых Донг Дзи и Дзянь Цзии. Красотка Дзянь впервые показывает, что способна не только махать саблей и танцевать между старинных тамбуринов, как в «Герое», «Крадущемся тигре, затаившемся драконе» и «Доме летающих кинжалов», но и продемонстрировать высоты мастерства и красоту — не столько внешнюю, сколько красоту жеста, мимики, слова, — что и отличает настоящую звезду. Видимо, взросление режиссера не может не сказаться на тех, кто с ним работает (хотя Кар-Вай 46 лет, а Дзянь только 25). Зрелый Кар-Вай оказался способным на создание конструкций головокружительно сложных и вместе с тем абсолютно прозрачных, осязаемых эмоционально даже в тех случаях, когда их интеллектуальное познание ставит зрителю определенные проблемы. Поначалу «2046» путает и почти пугает аудиторию, представляя диаметральной противоположностью «Любовному настроению», но затем проступает пронзительно ясная структура. Интерактивная фантазия Вонга упрядняет представления о времени и пространстве: если в «Любовном настроении», время героев которого было соотнесено с самого начала, в кадре постоянно мелькали часы, то здесь они появляются лишь однажды,

да и то лишь в качестве реминисценции. Правда, день и год действия неизменно сообщаются при помощи титров на экране, но чаще всего эта дата совпадает с кануном Рождества — праздника, катарсиса, который никак не может наступить и предвкушение которого вселяет в персонажей беспочвенные надежды. Есть и обманчивые указания на эпоху в виде фрагментарных черно-белых архивных вставок (вопиющий контраст с основным повествованием доказывает со всей очевидностью ненужность «точного времени»), и далекий 2046 год, в котором происходит действие романа Чоу. Впрочем, действительно ли эта непроясненная цифра указывает на год или же на таинственное место, куда идет поезд, остается тайной; как и природа средства передвижения, напоминающего о параллельных мирах Дэвида Линча. Показанное в Каннах накануне премьеры «2046» «Фотоувеличение» Микеланджело Антониони напомнило о весьма важном для современного искусства соотношении между реальностью и ее отражением в искусстве; Кар-Вай развивает в новом фильме ту же тему по-своему. Его герой убегает в виртуальное пространство собственной книги, чтобы избавиться от хронологии. Он видит себя единственным человеком, который проделал на поезде рейс в обратный конец, поскольку хотел не избавиться от воспоминания, а сохранить его. Это ни разу не проговоренное прошлое (впрочем, памятное по «Любовному настроению») остается гениальной фигурой умолчания: отказав в близости последней из своих предполагаемых подруг, Чоу в фи-

Заблудившись в лабиринте любви, писатель-фантаст Чоу (Тони Люн) пытается спрятаться в будущем

нале говорит, что «не может сдать в аренду лишь одно», и зрителю остается догадываться, о чем речь; судя по всему, о любви. Романтик и идеалист, один из немногих современных мастеров, чьи фильмы оставляют впечатление гармонии, между тем ни разу не говорил о счастливой любви. Она впервые появляется в «2046», но не как

данность сюжета, а как спрятанный от публики (и большей части действующих лиц) секрет, хранимый главным героем. Именно эта тайна заставляет испытать после сложного, многоступенчатого, новаторского фильма желание любви, внушить которое в современном кино способен едва ли не единственный режиссер — Вонг Кар-Вай.